

ШУРНИШЕНСКОЕ БОГОСЛОВИЕ (НИЖНИЙ ЕНИСЕЙ, ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XX в.)*

Нам уже приходилось писать об оригинальных богословских построениях Исаия Назаровича, крестьянина-часовенного с низовьев Енисея¹. До 2003 г. в нашем распоряжении было лишь одно его сочинение, неизвестной оставалась даже его фамилия. Совсем недавно одна из почитательниц творчества этого енисейского писателя предоставила нам возможность сделать копии с обширной подборки его сочинений. Она же сообщила нам некоторые подробности его биографии и прежде всего фамилию – Жариков. До поры до времени живший в родительской семье на притоке Дубчеса р. Шурнихе (бассейн Нижнего Енисея) И. Н. Жариков оставался, по-видимому, ортодоксальным часовенным, ориентированным на теорию “чувственного” антихриста: именно такие воззрения поддерживали в округе контролировавшие ее часовенные скиты. Перелом произошел после смерти родителей, обострившей, вероятно, раздумья о путях спасения души. Однажды его посетило страшное сонное видение: родительские гробы летели на запад. Если учесть, что на западе, по распространенным апокрифическим представлениям, располагалось место адских мучений (в противовес раю на востоке), то можно понять, в какое уныние впал осиротевший И. Н. Жариков. Сочтя сон вещим, он, очевидно, стал размышлять о причине такой посмертной судьбы родителей и в конце концов счел, что ею является изъяз в вероучении. В часовенном согласии всегда существовало направление, тяготеющее к беспоповщине, которое не одобряло практиковавшийся когда-то прием священников от “никонианской” церкви, почитание их памяти, а также теорию “чувственного” антихриста, придерживаясь версии “духовного” антипода Христа. Очевидно, именно на эти позиции и перешел И. Н. Жариков, так как с этих пор

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ (проект № 02-01-00314а).

¹ См.: Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002. С. 395–408.

он начал ожесточенные, как свойственно неوفитам, обличения своих новых противников – по его выражению, “попоприемщиков”.

Основным методом познания божественной истины енисейский писатель сделал “духовное”, иносказательное, символическое прочтение священных текстов в противовес буквальному (“простому”, “плотскому”), опираясь на известное изречение апостола Павла об “убивающей” букве и животворящем духе (2 Кор 3. 6). Вокруг этой проблемы давно шли ожесточенные споры, в основном беглопоповцев разных согласий с поповцами (включая и официальную церковь). В часовенном согласии XX в. проблема оставалась животрепещущей именно потому, что оно совмещало в себе черты обоих главных направлений староверия. За Уралом эти споры продолжались весь XX в. В частности, близкую к взглядам И. Н. Жарикова позицию высказал в конце 1960-х – 1970-х гг. А. К. Килин, против которого выступили нижеенисейские часовенные скиты, а также, по их поручению, талантливый местный писатель А. Г. Мурачев².

Как и упомянутые полемисты, И. Н. Жариков в очередной раз актуализировал популярный постулат средневековых этических систем о нравственной ущербности тех, кто не исповедует истинную веру. Исай Назарович использовал для этого известное церковное учение о трехсоставности человека, в котором сосуществуют плоть, душа и дух. Наименее почтенная часть – первая, созданная “из праха земного” и занятая удовлетворением животных инстинктов. Наивысший статус имеет дух, одно из проявлений которого – стремление к богопознанию³. Плотскую “степень человеческой жизни”, наиболее подверженную влиянию зла, нечистоты, шурнишенский богослов путем сложных построений связывает с буквальным, “плотским” методом прочтения священных книг, а “духовную степень” – с иносказательным, “духовным”. Напоминающий общеизвестный факт, что в Священном Писании есть “тайны Божии” и что не все оно “разумеется по писму”, он осмысливает “простое писмо в Писании” только как “оплот, стену, ограждение тайн и глубин духовных”.

И. Н. Жариков разделяет всех наследников Божьего слова на два разряда: первый – живущие духовно (не для себя, а для спасения других и для богопознания), второй – живущие плотски (“ниже естества”) или душевно (“среднее по естеству”). Второй разряд, в свою очередь, делится на три категории. Первая – “простые люди”, имеющие нелукавые, простые сердца; с такими в Писании “говорится просто”, именно для них – его буквальный текст. Во вторую категорию входят люди, “живущие плотски или душевно”, но “сердца своим произволением имеют лукавые”; “лукавым сердцам прит-

² См.: Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные на востоке России. С. 307, 308 и др.

³ См.: Закон Божий. Джорданвилль, 1987. С. 125–127.

чами говорится, а не просто". И, наконец, божественного слова, по Исаю Назаровичу, лишаются те, которые не верят удостоенным откровения и над ними насмеваются: таким "совсем ничего не говорится"⁴. Весь второй разряд – разряд "живущих плотски или душевно" – объявляется ущербным именно потому, что не взыскует божественных тайн. Это относится даже к людям с "простыми сердцами": "О тайнах, хотя и простые сердца имеют люди, но естли не спрашивают, не говорится, а предлагают им только простое слово по писму". Своих оппонентов И. Н. Жариков относит к презируемой им третьей категории: "Попопримещики нарочито духовное ведение отвергают по толкованию, по одному писму понимать заставляют; то хотя бы и все писание они придумали изучить, а от Бога дарований и помощи им не получить. А без Божьего откровения у их все от своего ума... А притом они еще прелести бесовской показывают чудеса... и все, чего кто от своего ума делают и говорят, святые отцы от таковых принимать и верить им не велят. От своего ума они придумали в нечестии чудеса собирать на прелесть людям, такие книги велено сжигать, а кто их на прелесть людям читает, того от церкви отлучают"⁵.

Своим противникам Исай Назарович предъявил обвинения, традиционные в средние века при обличении инакомыслящих, учение которых объявлялось чуждым божественной истине, измышленным "от своего ума". Так же он оценил, судя по контексту, и многолетние усилия часовенных по сбору материалов для своего Патерика, в котором действительно сконцентрированы известия о многочисленных новых чудесах, в том числе и с бесноватыми⁶. Вполне средневековое предложение И. Н. Жарикова сжечь "прелестные" книги и отлучить от церкви их авторов, сделанное в сочинении "Оборона", было, очевидно, его реакцией на постановление одного из минусинских часовенных соборов, в котором труды самого Исаия Назаровича оценивались как еретические и подлежащие сожжению⁷.

В приведенных выше экзегетических размышлениях И. Н. Жарикова обращает на себя внимание его трактовка роли притчи в Священном Писании, предназначенной, по его мнению, для людей с лукавыми сердцами. Объясняя свою мысль, он дает собственное толкование евангельским притчам, в частности притче о злых виноградарях (Мф 21. 33–40): "простое письмо" (т. е. буквальный смысл) как стена, как листья винограда ограждает от хищников виноград и точило (духовную глубину, или истинное содержание притчи). Самым парадоксальным здесь оказывается осмысление роли пре-

⁴ Собрание ИИ СО РАН. № 3/03-г. Л. 7 об. – 8 об.

⁵ Там же. Л. 7 об., 8 об.

⁶ См.: Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные... С. 314–394.

⁷ См.: Там же. С. 408.

словутых злых виноградарей, в евангельском тексте – однозначно отрицательных персонажей, а у Исаия Назаровича – исполнителей воли Бога: “А делателям винограда Господь такое дело дал, да чтобы каждый толкователь еще пуще тайны ограждал. Поэтому в чем тайн нет, то раскрыто, а в чем есть тайны, то толкованиями еще пуще закрыто”⁸.

Енисейский экзегет утверждал, что Христос говорил перед фарисеями притчами специально, чтобы их обмануть. Но если Священное Писание и его толкователи вводят в заблуждение приверженцев зла, то, по логике, еще актуальнее это должно быть в отношении самого “отца зла”, сатаны. И действительно, Исай Назарович именно так завершает эту логическую линию. Вот как в своем сочинении “О Гоге и Магоге и первом исцелившем” он оценивает смысл Откровения Иоанна Богослова и его святоотеческих толкований: “Писали-писали много. Говорили-говорили еще больше того, что родится человек от жены скверной Данова племени, и будет волхв, диавол в него вселится, и будет царь на весь мир, и все ему поклонятся как Христу. А он, диавол, и думал, наверно, что это правда, попустится ему на это. И начал заготовлять себе царство в буржуазии, хотел уподобиться Богу. Бог избрал людей себе Израиль, а диавол избрал себе буржуазию”⁹.

Обратим внимание на принцип зеркального отражения в действиях Бога и сатаны, характерный для литературы христианского средневековья и для генетически связанного с ним народного сознания староверов. Образ обманутого беса также обычен как для христианских средневековых легенд, так и для позднейшего фольклора и проникнутого им творчества старообрядцев¹⁰.

Подводя итог своим размышлениям о несоответствии буквального и глубинного смысла Писания, в конце этого сочинения И. Н. Жариков развивает сильно поразившую, видимо, его воображение мысль о дьяволе, читающем Священное Писание: “...на самом деле, естли сатана читает Писание, то можно ли говорить открыто то, которое писано про его. Вот так буква и была поставлена в Писании, что родится человек, сатана в него вселится... Буква Писания диавола обманула, буква Писания, чтобы диавол обманулся. А естли духовного разума не имеют, а только букву читают, и люди обманываются”¹¹. В сочинении “Оборона” автор афористически кратко формулирует полюбившуюся мысль: “Думают, толкованиями тайны в Писании открыты. Нет, толкованиями тайны... более еще закрыты. А закрыты ис-за того, что и еретики Писание читают, а сатана даже наизусть все Писание знает”¹².

⁸ Собрание ИИ СОРАН. № 3/03-г. Л. 14.

⁹ Там же. № 14/03-г. Л. 22 об., 23.

¹⁰ См.: Покровский Н. Н., Зодышкова Н. Д. Староверы-часовенные... С. 376, 391.

¹¹ Собрание ИИ СОРАН. № 14/03-г. Л. 40 об., 41.

¹² Там же. № 3/03-г. Л. 3 об.

Таким образом, И. Н. Жариков предложил весьма неортодоксальный метод осмысления сверхзадачи священных текстов: Божество через откровение намеренно использует их для благочестивого обмана, и поэтому “мертвящая буква” всегда вводит в заблуждение тех, кто не ищет “духовного понимания”. Таким же обманом якобы активно занимались и отцы церкви, поэтому их творения читать нужно так же, как притчи – “духовно”, применяя метод иносказания.

Как уже упоминалось выше, часовенные скиты и солидарная с ними крестьянская округа не приняли богословских новаций И. Н. Жарикова, заклеившего их позицию как нежелание постигать божественные тайны и внимать откровению. Здесь важно не только убеждение Исае Назаровича, что сторонники теории “чувственного” антихриста и буквального прочтения Писания в силу этого принципиально не способны проникнуть в его истинный смысл. Не меньшее значение для шурнишенского экзегета имело осознание самого себя как проводника божественной истины: прямым следствием пренебрежения часовенных-“чувственников” к его учению было лишение их этой истины. Общая оценка собственной миссии у И. Н. Жарикова чрезвычайно высока и отличается немалой смелостью. Указав на несоответствие, по его мнению, конкретных толкований отцов церкви реальному ходу мировой истории, обстоятельствам наступившего последнего ее этапа и истинным характеристикам главных мистических персонажей конца света, оценив этот факт как следствие намеренной дезинформации дьявола и его слуг, Исай Назарович фактически представляет себя как единственного человека, получившего божественное откровение в конце человеческой истории и поэтому сумевшего впервые правильно ее истолковать. Отметим, что при этом он не занимался самовозвеличиванием, не принятым и в древнерусском литературном этикете. Исай Назарович считал свое избранничество следствием страстных просьб к Богу “об открытии тайн”: “Тайны и глубины духовные, – писал он, – открываются по Божьему дарованию”, которое может получить только тот, кто хочет получить от Бога “духовное ведение”¹³. При этом, судя по всему, сибирский богослов считал возможным обойтись и без посредничества того, что у беспоповцев именовалось церковью, – религиозной общины и духовного руководителя. Таким образом, речь шла о прямом контакте верующего с Божеством, о личном богопознании: “Бог только к таким сердцам приближается, где правая вера и все заповеди соблюдаются. Но вот есть ли с Божиими дарованиями руководителей нет, которые по научению Святого Духа открывают свет, велено самим о том Бога просить, чтобы Бог изволил научить”¹⁴.

¹³ Собрание ИИ СО РАН. № 3/03-г. Л. 2.

¹⁴ Там же. Л. 7.

В православной традиции проблеме индивидуального богопознания особое внимание уделял исихазм, как ранний, так и поздний греческий. И если адепты раннего исихазма, в основном из родоначальников монашества, были хорошо известны в Древней Руси и старообрядчестве, то поздних знали не всех. Так, Григория Паламу фактически на Руси не переводили, и староверы на него никогда не ссылались. Однако цитаты из трудов его старшего современника св. Григория Синаита в творчестве тех же сибирских часовенных не редкость. И. Н. Жариков обратился к авторитету одного из предшественников позднего греческого исихазма – св. Симеона Нового Богослова, также хорошо известного и популярного в литературной традиции уралосибирских староверов-часовенных. Этот византийский богослов привлек внимание сибирского старообрядца своими филиппиками против хвалящихся знанием Писания, но “мудрствующих плотски” и не имеющих “духовного ведения”, получаемого только “научением Святаго Духа”¹⁵.

Высокая самооценка старообрядческих богословов не новость XX в. и была с самого начала присуща староверам – проповедникам и толкователям Священного Писания, осмысливавшим реалии своего времени в категориях конца света и считавшим себя наследниками дела святых отцов по сохранению истинной веры. Подобное осознание своих трудов и своего предназначения не было редкостью и у часовенных XX в. В частности, об этом нам приходилось писать в связи с творчеством А. Г. Мурачева, жаловавшегося на косность своих одноверцев, их скептицизм в отношении его толкований Откровения Иоанна Богослова. Система использованных при этом писателем-старовером литературных образов была прямо соотнесена с евангельским текстом, в котором Христос высоко оценивает апостолов. Себя самого А. Г. Мурачев сравнивал со знаменитыми святыми толкователями, претерпевшими за свою деятельность еще худшие, чем он, гонения от современников. Напряженным сознанием собственной избранности обладал и игумен нижегородских скитов о. Симеон, учитель А. Г. Мурачева, погибший в сталинском концлагере во многом именно за свои толкования советской власти как предтечи антихриста¹⁶.

Но как исихасты, постигавшие Бога в молчании и “духовном делании”, не чуждались проповеди, так и И. Н. Жариков не считал возможным единолично пользоваться выпрошенным у Бога откровением. По представлениям Исаия Назаровича, человек, достигший “духовной степени”, должен жить для спасения ближних, даже претерпевая от них зло. Поэтому шурнишенский богослов обращался к часовенному сообществу со страстной проповедью своих взглядов и писал многочисленные полемические труды с подробным разбором

¹⁵ Собрание ИИ СО РАН. № 3/03-г. Л. 7, 7 об.

¹⁶ См.: Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные... С. 300 и др.

неправоты учения оппонентов. Какую-то часть часовенных ему удалось убедить, о чем с беспокойством писал А. Г. Мурачеву о. Ефрем – один из иноков нижееннисейских часовенных скитов: “...шурнишенские заметно переходят нецыи на его сторону”¹⁷. Однако большинство, как упоминалось, осталось к призывам И. Н. Жарикова глухо, на что он не переставал жаловаться в своих сочинениях. Одним из необычайных способов воздействия на неподатливую аудиторию он считал полемику в стихотворной форме.

Использование стихотворных форм входило в традицию литературной школы урало-сибирских часовенных. В их творчестве можно встретить все виды стихов, от древних до современных: раек, рифмованную прозу, силлабический и силлабо-тонический стих¹⁸. В целях полемики часовенные в XX в. предпочитали силлабическое стихосложение, активно употреблявшееся в литературе XVII–XVIII столетий, излюбленное братьями Денисовыми, творчество которых пользовалось непререкаемым авторитетом во всех согласиях старообрядчества. В частности, упоминавшийся выше А. К. Килин одно из своих обличений часовенных-“чувственников” написал в форме силлабической поэмы, которую поместил в сборнике своих сочинений рядом с аналогичной полемикой в прозе¹⁹.

И. Н. Жариков использовал эту традицию для своих богословских построений и наполнил их яркими образами и символами, источником которых стали не только евангельские притчи и творения отцов церкви, но также окружающая природа и опыт современного земледельца: “Стихов сложение – / к притчам введение. / Естли не плодит жито земля / или нет влаги, засыхает она. / Или изродится, не будет жито расти. / мы и думаем, нельзя ли посещать стихи”²⁰. В этой системе иносказаний под землей в соответствии с новозаветной традицией (см.: Мф 13. 19) подразумеваются человеческие сердца: “Проклятой землей называются лукавые сердца, / которые плодят терние без конца. / Они не учатся притчам, у их ум не развивается / ...дожди на землю таких сердец не льются, / то есть Божьей благодати им не дается”²¹.

Изменить неплодородную землю (лукавые сердца часовенных) И. Н. Жариков и надеялся с помощью стихотворного вразумления, сравнивая его воздействие с эффектом правильного севооборота. Как травы, посеянные после

¹⁷ Золыникова Н. Д. Скитские письма второй половины XX века (Нижний Енисей) // Общественное сознание и литература XVI–XX вв. Новосибирск, 2001. С. 303.

¹⁸ См.: Покровский Н. Н. Рукопись сибирских старообрядцев на бересте // Живая старина. 1995. № 1. С. 30; Титова Л. В. Духовные стихи в берестяной книге Афанасия Герасимова // Там же. С. 40, 41.

¹⁹ См.: Золыникова Н. Д. “Стихотворение о всеядцах” (памятник старообрядческой поэмы) // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. 42–51.

²⁰ Собрание ИИ СО РАН. № 3/03-г. Л. 2 об.

²¹ Там же. Л. 4, 4 об.

зерновых, питаюсь из более глубоких, чем последние, слоев, восстанавливают плодородие почвы, так и стихи делают сердца восприимчивыми к слову Бога: “У стихов корень глубоко, как осолодка степная, сладкий, и на сухих местах не засыхает. / Етот корень засуха не берет, потому что он глубоко в землю идет. / Притом стихи и клеверу подобны, / Удобрят землю и более делают плодородну. / Пусть земля изродится или засохнет, как песок, / никакое жито не растет. / Допустим, хотя и нет от стихов добра, / но тем не менее от их размягчается земля. / А когда земля плодородность поимеет, / тогда можно будет и жито посеять”²².

Символ посеянного зерна – слова Божия – Исая Назарович заимствует из той же евангельской притчи о сеятеле (Мф 13. 3–8), которую он частично перелагает в ходе рассуждений о пользе стихов. В притче, среди прочего, говорится о зерне, посеянном в тернии и заглушенном им. Под тернием, по разъяснению самого Христа, подразумевается человек, хотя и воспринимающий учение, но забывающий о нем в “заботах века сего и обольщении богатства” (Мф 13. 7, 22). И. Н. Жариков считает, что есть надежда спасти таких людей с помощью стихотворной проповеди: “Так, естли, например, пшеницы за счет, / на земле несеяное терние растет, / и от терния пшеница давяется, / то вот есть такая трава, которой терние выживается. / Мы и думаем посеять семя етой травы такое, / чтобы выжило терние несеяное, пустое. / А пусть сеяное растет и коренится, / а потом земля, может, и под пшеницу погодится. / Та же земля, что терние плодит, / потом, быть может, и пшеницу породит”²³.

Напряженные размышления сибирского старовера-крестьянина о познании Бога, способах постижения божественных тайн и методах толкования священных текстов, в конечном счете – о путях спасения души свидетельствуют о существовании в староверии XX в. живой богословской мысли. Богословие это, несомненно, плоть от плоти народного православия, в котором постоянно актуализируется огромный пласт средневекового христианского наследия и патриархального общественного сознания. Однако представленный вариант народного богословия, созданный трудами нижегородского старовера из часовенных, отличается яркой самобытностью и смелостью, которые иногда выводят его за границы православия, некоторыми чертами напоминая протестантские искания.

²² Собрание ИИ СО РАН. № 3/03-г. Л. 2 об.

²³ Там же. Л. 2 об., 3.